

Б.С. Павлов

**СБЕРЕЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА
РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ КАК ЗАЛОГ ВОСПРОИЗВОДСТВА
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО
СОЦИУМА (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОСЫЛЫ И ПРАКТИКА АНАЛИЗА
(1971–2021 гг.))**

Цель статьи – опираясь на результаты многолетних авторских НИР по обозначенной проблеме, попытаться выявить возможные реперные точки приложения усилий государства, бизнеса и общественности, направленных на активизацию цивилизованной и мотивированной репродуктивной деятельности родительских семей. Объектом данного исследования является социальный институт полной родительской семьи в РФ на этапе своей активной репродуктивной деятельности. Предмет – репродуктивная и социокультурная деятельность «отцов и детей» в условиях конкретного региона. Исследование базируется на использовании результатов конкретных социологических опросов и формализованных интервью по заявленной проблеме в ИЭ УрО РАН, выполненных в ряде регионов УрФО и других регионах РФ за период 1971–2020 гг. под руководством и с непосредственным участием автора.

Опираясь на результаты представительных опросов, автор показывает, что демографическая (в частности, репродуктивная) жизнедеятельность современной родительской семьи на Урале (как и в РФ в целом) в большинстве своем связана с целой палитрой социально-экономических и нравственно-этических трудностей, препон, проблем, рисков, страхов в процессе реализации семейей своих основных социально-демографических функций.

Автор убежден, что в настоящее время налицо явная несопоставимость «прямых» материально-финансовых, трудовых и временных затрат родителей на рождение и возвращение своих детей с реальными размерами компенсаций этих затрат со стороны не менее заинтересованного партнера в этом процессе – государства. Чувствительность населения к такой «экономической неувязке» резко увеличилась с вхождением российского социума в реальные «жесткие» рыночные отношения.

С позиций повышения эффективности репродуктивного поведения населения автор предлагает ряд новаций в сфере региональной и федеральной демографической политики.

Ключевые слова: *родительская семья, демографическая «яма», репродуктивное поведение, трудовая и семейная социализация, воспроизводство социума, доверие, бизнес, власть, концепция развития, Уральский регион.*

1. Депопуляция населения в регионе: правомерно ли «искать виноватых» только в «демографических ямах»? Социально-биологический феномен «народонаселение» являет собой особо сложный и многофакторный объект долгосрочного прогнозирования, каким является демографическое поведение населения в рамках ограниченной территориальной общности (регионе), предполагает необходимость выделения и опоры на целый ряд основных ме-

---

© Павлов Б.С., 2021

Павлов Борис Сергеевич – д-р филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономики Уральского отделения РАН, e-mail: pavlov_boris@ail.ru.

тодологических принципов, положений, соответствующий набор методического инструментария [1, 2]. В современных условиях урбанистического развития российского социума особо значимым фактором выступает *историческая обусловленность и преемственность социальных процессов* [3].

Анализируя процесс демографического движения народонаселения, необходимо прежде всего учитывать высокую инерционность воспроизводственных процессов, их естественно-биологическую «растянутость» во времени, устойчивость семейно-брачных отношений (выступающих основным субъектом воспроизводственных процессов), их традиционную способность противостоять («сопротивляться») быстро меняющимся социально-экономическим условиям, вводимым социальным новациям, идеологическим парадигмам желаемой направленности развития социальных процессов [4, 5]. Рамки нашего исследования (1970–2020 гг.) обусловлены, прежде всего, резкой трансформацией демографического поведения населения, переходом от *простого*, сравнительно благополучного, режима воспроизводства народонаселения к депопуляционному [6].

Поступательное развитие народонаселения принято характеризовать количественными и качественными изменениями. Цель, которую можно поставить в плане развития народонаселения, может быть сформулирована как оптимизация количественных и качественных показателей в трех основных видах движения населения – в его социально-биологическом воспроизводстве, сопутствующих этому процессу миграции и социальной мобильности.

Обратимся к анализу демографической ситуации, сложившейся к началу XXI в. в России в целом и на Урале в частности. В период 1988–1998 г. коэффициент суммарной рождаемости (число рождений на одну женщину репродуктивного возраста) на Урале снизился: в городе с 1,896 до 1,109, в селе – с 3,057 до 1,643. Некоторый «всплеск» уровня рождаемости к концу нулевых годов нового столетия (в 2009 г. 1,411 – город и 1,902 – село) не обеспечивал даже простого воспроизводства населения. Ожидаемая продолжительность жизни в том же году составила 66,7 года в городе и 69,4 на селе. Кстати, в середине 20-х гг. прошлого столетия в среднем на одну женщину из рабоче-крестьянской среды в Уральской области приходилось по 6,8–7,2 рождения [7, 8].

Общая численность населения РФ своего минимума достигла в 2014 г. (143,7 млн чел.). Отметим, что после присоединения Крыма на 1 января 2015 г. показатель населения страны вырос до 146,3 млн чел. Снижение численности населения России фиксируется ежегодно, начиная с 2018 г. К 1 января 2020 г. оно составляло около 146 млн 750 тыс. чел. По предварительным данным, опубликованным на сайте Росстата, на 1 января 2021 г. численность населения России оценивалась в 146 млн 238 тыс. чел. По сравнению со значением предыдущего года она снизилась более чем на 510 тыс. чел.¹

¹ Население России впервые за 15 лет снизилось более чем на 500 тыс. чел. // Коммерсантъ. 2021. 16 февр.

Последний раз убыль населения более 500 тыс. чел. отмечалась в 2005 г.

Было бы явной несправедливостью обвинять руководителей страны в индифферентном отношении к решению проблем депопуляции российского населения. Свообразным решительным стартом активной «борьбы» с этой острой общенациональной проблемой стал Указ Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации», который можно считать наиболее ощутимым переломным моментом в российской демографической политике [9].

Важно признать и то, что в последующие нулевые и десятые годы нового столетия проблемам семейного строительства россиян, в первую очередь их детовоспроизводственному поведению, уделялось приоритетное внимание Правительства России. Это подтверждается не только ежегодными посланиями Президента РФ Федеральному собранию, но и реальными социально-экономическими инновационными проектами, касающимися развития института семьи, повышения ее благосостояния и соответствующей дееспособности. Взять хотя бы такие новации социальной (семейной) политики, как введение «материнского капитала», жилищных ипотек для молодых семей, пособий, приоритетов для различных наиболее социально уязвимых категорий семей и отдельных граждан [10, 11].

Напрашивается вопрос: насколько эффективны были меры, предшествующие решению этой основной задачи демографической политики? К сожалению, ответ здесь не столь оптимистичен. В конце апреля 2021 г., комментируя сложившуюся ситуацию, В.В. Путин подчеркнул: «Мы столкнулись с эпидемией в то время, когда совпали, наложились друг на друга последствия демографических ударов 40-х и 90-х годов прошлого века. И понимаем, что сегодня ситуация в сфере демографии чрезвычайная. К сожалению, это так. Нужно это признать, констатировать, иметь это в виду и действовать, исходя из этой ситуации... Наша стратегия в том, чтобы вновь выйти на устойчивый рост численности населения, добиться, чтобы в 2030 г. средняя продолжительность жизни в России составила 78 лет. Статистика дает нам, к сожалению, неутешительные, нерадостные цифры. Мы видим даже определенное снижение...» [12].

2. Особенности построения региональной научно-методической и эмпирической базы. Анализ жизнедеятельности родительской семьи на Урале, прежде всего различных аспектов ее детовоспроизводственных отношений, начался в Институте экономики УрО РАН с середины 1970-х гг. У истоков этого научного направления стоял уральский социолог, философ и культуролог профессор Л.Н. Коган. За прошедшие полвека в Институте при непосредственном участии автора статьи (ученика и последователя Л.Н. Когана) было реализовано более двух сотен опросов (проектов) по семейной проблематике, написаны многие десятки монографий, книг, сотни статей, ряд диссертационных работ. В авторской монографии «*Социологические исследования в Институ-*

те экономики УрО РАН (полувековой экскурс по итогам 1968–2018 гг.)» заинтересованный читатель может ознакомиться с довольно подробным изложением основных методологических и научно-методических позиций организации, проведения и научно-практической реализации результатов социологических проектов в сфере социальной, семейной и молодежной региональных политик² [13].

В предлагаемой статье использованы результаты некоторых опросов. В частности, воспользуемся эмпирическими результатами некоторых наших исследований. Ниже представлены краткие «паспортчики» восьми опросов:

Аббревиатура, время и место проведения исследования	Краткая характеристика выборки респондентов
«Дети-инвалиды – 1997». В сентябре – октябре 1997 г. по заказу Министерства социальных отношений Челябинской области в Челябинске и ряде других городов области было проведено исследование по проблемам семей с детьми-инвалидами	В выборочную совокупность опрошенных были включены 425 матерей и отцов, в семьях которых, росли и воспитывались дети-инвалиды, и 60 экспертов, специалистов и руководителей социальных служб, непосредственно причастных к решению социально-экономических проблем таких семей
«Неполная семья – 1998». В марте 1998 г. По инициативе Министерства социальных отношений Челябинской области в ряде городов и поселений Южного Урала проведен выборочный опрос глав монородительских семей	С целью исследования проблем неполных семей опрошены: а) 350 молодых матерей, воспитывающих своих детей без отца; б) 100 экспертов – работников социальных служб и правоохранительных органов
«Зрелая семья РФ – 1999». В марте – июле 1999 г. проведен авторский инициативный опрос в 6 городах РФ: Екатеринбург, Надыме, Нижневартовске, Самаре, Челябинске, Чите	В выборочную совокупность были включены 1360 отцов и матерей, воспитывавших (на момент опроса) как минимум одного подростка в возрасте 15–17 лет
«Молодая семья РФ – 2003». В марте – июле 2003 г. авторский инициативный опрос в 5 городах РФ: Екатеринбург, Надыме, Нижневартовске, Челябинске, Чите	Опрошены 2900 молодых супругов (возраст матери не старше 30 лет), в семьях которых (на момент опроса) имелся: один ребенок – 1190 чел.; двое детей – 690 чел.; пока детей не было – 1020 чел.
«Молодая мать-УрФО – 2009». В июне – сентябре 2009 г. по инициативе Аппарата полномочного представителя Президента России в УрФО проведен опрос родительских семей в 5 регионах УрФО: трех областях (Свердловской, Челябинской и Тюменской) и двух округах (ХМАО, ЯНАО)	Из общего числа включенных в выборку молодых уральских матерей (600 чел.) 34 % были представителями полных нуклеарных семей с одним (на момент опроса) ребенком, 27 % – соответственно с двумя детьми и 18 % – сложных семей (трехпоколенных) с одним ребенком (21 % – другой тип молодых семей)

² Полный текст монографии в свободном доступе на ряде федеральных сайтов, в частности: «Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество», «Россия: ключевые проблемы и решения», «Россия и современный мир», на сайте РОС и др.

Аббревиатура, время и место проведения исследования	Краткая характеристика выборки респондентов
«Урал-Школа – 2013». В марте – апреле 2013 г. по заказу Министерства образования Свердловской области осуществлен аналитический проект в 15 общеобразовательных школах Кировского района г. Екатеринбурга и 9 школах областного ЗАТО «Лесной»	Анкетный опрос 510 учащихся 7–11-х классов 10 школ г. Екатеринбурга и 300 учащихся этого же возраста из 7 школ г. Лесной. Опрос был связан с анализом процессов социализации и подготовки молодых горожан к семейному образу жизни
«Урал-Вуз – 2015». В марте – апреле 2015 г. на кафедре социальной безопасности ФТИ УрФУ в процессе преддипломной практики был реализован авторский опрос в 8 институтах Уральского университета (г. Екатеринбург)	Анкеты заполнили 450 студенток старших курсов (из них 225 студенток вузов УрФУ технического профиля и 225 студенток – гуманитарных). Выяснялись основные ценностные ориентации в сфере профессионально-производственного и социально-демографического поведения
«Урал-Вуз – 2016». В марте – апреле 2016 г. авторский инициативный опрос в семи вузах Урала (гг. Екатеринбург, Тобольск, Челябинск) с тремя профессиональными направлениями подготовки специалистов: техников, педагогов, гуманитариев	Опрошены 1500 студентов 2-х и 4-х курсов. Основной лейтмотив проекта: выявление активности участия родительских семей в профессиональном и гражданском становлении своих детей

3. Социальный институт родительской семьи в России: статус, страхи и риски демографического поведения. В силу особенности включенности института семьи в современную систему социальной стратификации российского общества, по мнению социолога Ю.А. Булкина, в течение ближайших десятилетий следует ожидать нарастания тенденций институциональной дисфункциональности. Это объясняется, в первую очередь, обострением противоречий между традиционными и инновационными социальными элементами развития этого института, сочетающего воспроизводство стабильности и преемственности социальных отношений, с одной стороны, и с другой – стремительные социальные изменения, порождающие страхи и риски (в том числе витального характера) и дезорганизацию, приводящие к ряду деструктивных негативных социальных последствий и процессов [14].

О приоритетных факторах, деформирующих общественно желательный процесс репродуктивного поведения российских (в нашем случае – уральских) семей, можно судить в какой-то мере по результатам нашего опроса «**Молодая мать-УрФО – 2009**». Один из вопросов анкеты был сформулирован следующим образом: «*Многие молодые семьи, имея одного или двух детей, не стремятся (не планируют) обзаводиться очередным ребенком. Ваше мнение: почему?*». Респондентам предстояло выбрать не более 3 вариантов ответов по каждому из 2 предложенных блоков. Мнения молодых детных уральских женщин представлены в таблице.

Причины, условия, мотивы снижения репродуктивной активности
 молодых семей на Урале в начале XXI в.
 (% от общего числа опрошенных по каждой группе матерей)

Риски, страхи, препятствия	Группы опрошенных матерей			
	Свердл. обл.	Челяб. обл.	ХМАО	ЯНАО
Блок I. ЗАБОТА о ДЕТЯХ (О РЕБЁНКЕ) – выбрать 3 варианта				
Не уверены в стабильности своей семьи	50	47	52	43
Отсутствие реальной возможности устроить ребенка в детский сад	39	14	36	46
Трудности получения детьми образования	32	37	36	27
Боязнь рождения нездорового ребенка	29	38	22	32
Плохое здоровье матери, отца	24	20	18	29
Не надеются на помощь своих родителей	14	22	13	17
Блок II. ЗАБОТА о СЕМЬЕ и о СЕБЕ – выбрать 3 варианта				
Боязнь ухудшить материально-экономическое положение семьи	62	65	56	59
Проблемы жилья	61	60	53	54
Просто хотят пожить для себя	30	24	31	11
Опасение осложнений на работе	24	27	20	30
Памятуя трудности с первым ребенком	21	17	10	16
Нежелание ограничивать свою свободу	11	13	14	11
Боязнь, что ребенок вырастет девиантом	9	5	12	9
Опасаются осуждения со стороны:				
родственников, близких	2	1	3	4
коллег по работе	–	1	1	2

О спектре трудностей, проблем, рисков, страхов современных детных уральских семей можно достаточно доказательно судить и по результатам опросов школьников «Урал-Школа – 2013». На вопрос анкеты «Чего ты боишься больше всего в своей жизни?» в Топ-5 проблем современных юных горожан вошли следующие (% от общего числа опрошенных тинейджеров г. Екатеринбург – 510 чел.):

- боязнь потерять родителей – 86,
- боязнь болезни, травмы родителей – 67,
- боязнь быть изувеченным, избитым – 46,
- боязнь попасть в тюрьму, колонию – 39,
- боязнь быть незаслуженно обвиненным в преступлении – 38.

Существенно ниже «пороги подросткового страха» в преддверии следующих жизненных ситуаций: вариант «боязнь оказаться заложником в результате теракта» набрал 33 % голосов юных респондентов; «боязнь быть ограбленным, обворованным в доме, квартире, саду» – 30 %, «боязнь привыкнуть к наркотикам» – 31 %; «боязнь не поступить в вуз, колледж после школы» – 25 %; «боязнь привыкнуть к алкоголю» – 23 %. Важно осознавать при

этом, что «дамоклов меч» жизненных проблем, страхов, рисков, как правило, имманентно и постоянно сопровождает не только самих подростков, но и отражается на социально-психологическом самочувствии их матерей и отцов, корректируя и нередко деформируя повседневную жизнь родительских семей. В первую очередь эти процессы характерны для групп родительских семей, относимых «благополучной общественностью» к разряду «семей риска», «неблагополучных семей», «деструктивных...», «дисфункциональных...», «негармоничных...» и т.п.

Было бы некорректным связывать этот процесс исключительно с периодом постсоциалистического развития российского общества. Их имманентное присутствие в общественной практике фиксировалось российскими и зарубежными социологами намного раньше [15–17]. Мы склонны утверждать, что рациональное выстраивание отношений «отцов и детей» является залогом успешного воспроизводства семейного образа жизни молодых россиян.

В традиционном обществе преемственность поколений на уровне родительской семьи реализуется, как правило, посредством добровольной передачи отцами и восприятия детьми накопленных финансовых, материально-вещественных средств, орудий, способов, приемов и навыков трудовой деятельности, а также трансляции в поколениях духовных ценностей, включая наиболее значимые сведения и атрибуты социальной памяти [18–20]. При этом все более утверждающееся в общественном (и особенно обыденном) сознании представление о некоей спонтанности фило- и онтогенеза развития социального института семьи, а точнее, каждой индивидуальной первичной социально-бытовой ячейки общества оправдывает, как правило, деструктивные процессы, идущие как в рамках отдельной малой семейной группы, так и социального института в целом. Между тем одним из важных механизмов наследования поколений является семейная социализация молодежи, матримониального поведения и подготовка ее к заключению брачного союза, рождению и воспитанию детей, семейному образу жизни [21–23].

К демографическим параметрам молодого семейного союза социологи (включая, естественно, и автора) сегодня относят четыре основные позиции: а) осознание «обязательности» создания собственной семьи, неприятие «идеологического» холостячества, «безальтернативности» семейному образу жизни; б) оптимальный (желаемый) возраст вступления в брак (подразумевается первый брачный союз); в) желаемое (планируемое) число собственных детей; г) осознание необходимости стабильности родительской семьи (недопустимость, нежелательность разводов в детных семьях). О состоянии и потенциальных возможностях организации этого социально-биологического социализационного процесса можно в какой-то мере судить по результатам наших опросов: «*Зрелая семья РФ – 1999*», «*Урал-Школа – 2013*» и «*Урал-Вуз – 2015*». В качестве иллюстрации приведем результаты ответов старших и младших поколений уральцев на некоторые вопросы (текст вопроса – варианты ответов).

А. «Зрелая семья РФ – 1999» – 1360 чел. (в числителе ответы мужчин – 420 чел., в знаменателе – женщин – 940 чел.):

А-1. «Обязательно ли мужчине надо создавать свою семью (заключать брак)?». Ответы: «не обязательно» – 11 / 6 %; «да, обязательно» – 69 / 74 %; «трудно сказать» – 19 / 19 %.

А-2. «Как бы Вы отнеслись к гражданскому браку своих детей (брак без оформления в ЗАГСе)? Ответ: «не осуждаю» – 21 / 20 %; «допускаю, смотря по обстоятельствам» – 54 / 60; «осуждаю категорически» – 23 / 19.

Б. «Урал-Школа – 2013» – г. Екатеринбург, 510 чел.

Б-1. «Как ты считаешь, сколько должно быть детей в «нормальной» семье?». Ответы: «один» – 10 %; «двое» – 59 %; «трое» – 20 %; «4 и более» – 4 %; «можно прожить и без детей» – 7 %.

Б-2. «Хотел бы ты, чтобы у тебя была семья, как у твоих родителей?». Ответы: «да, хотел бы» – 23 %; «кое-что нужно изменить» – 50 %; «нет, не хотел бы» – 27 %.

В. «Урал-Вуз – 2015» – г. Екатеринбург, 450 студентов.

В-1. «Нужен ли сегодня добрачный сексуальный опыт для женщин?». Ответы: «он просто необходим» – 23 %; «в нем нет особой необходимости, но нет и ничего плохого» – 39 %; «этого просто нельзя допускать» – 27 %; трудно сказать – 11 %.

В-2. «Допускаете ли Вы развод в семье, имеющей детей?». Ответы: «категорически не допускаю» – 18 %; «по обстоятельствам» – 72 %; «допускаю, это нормально» – 10 %.

4. Социально-биологические резервы родительских семей ждут разумного применения. В общественном сознании, казалось бы, аксиомой является утверждение, что основным субъектом репродуктивного поведения (воспроизводства молодой смены населения – «производства человека») является социальный институт семьи. Вспомним хотя бы слоган: «Крепка семья – крепка держава». Однако анализ показывает, что непосредственно в процессе воспроизводства населения участвуют (в силу различных объективно-субъективных обстоятельств) далеко не все семьи и весьма неоднозначно. Сравните хотя бы жизнедеятельность, характер проблем и отношений в однодетных, двухдетных и трехдетных семьях. Или: сопоставьте, например, социально-экономическую эффективность родительского труда в так называемых «благополучных» семьях и «семьях риска» [24].

Зададимся вопросом: какова основная социально-экономическая причина перманентного несоответствия ожиданий государства и реального поведения родительских семей, как решить проблему затягивающегося демографического дефицита. Следует признать, что в настоящее время налицо явная *несопоставимость* «прямых» материально-финансовых, трудовых и временных затрат родителей на рождение и возвращение своих детей, с одной стороны,

и, с другой – реальных компенсаций этих затрат со стороны другого заинтересованного партнера в этом процессе – государства. Чувствительность населения к такой «экономической неувязке» резко увеличилась с вхождением российского социума в реальные «жесткие» рыночные отношения (*«утром деньги – вечером стулья»*), с девальвацией социалистических принципов распределения посредством общественных фондов социальной поддержки. По данным наших опросов, компенсация государством только финансовых затрат семьи, родившей ребенка, составляет ориентировочно не более 20–30 % от текущих и предстоящих расходов молодой семьи. «Репродуктивно-демографический рынок труда» испытывает острый дефицит ресурсов и «трудовой мотивации». Цена этого дефицита, в конечном итоге, трансформируется в практически *«плановое недополучение»* обществом соответствующей «продукции»: в размере *одного* ребенка с *одной* молодой родительской семьи.

Вместе с тем, по нашему мнению, было бы некорректным объяснять «обвальное» снижение репродуктивной активности российских женщин и мужчин (матерей и отцов) на переломе веков сугубо лишь факторами материально-финансового характера и репродуктивными «неудобами самовоспроизводящихся демографических ям». Накопленный нами теоретико-аналитический и эмпирический материал позволяет нам утверждать, что в предстоящие два-три десятилетия социально-демографическая политика, ориентированная на желаемый результат в сфере «сбережения народа», вынуждена будет сопрягаться с преодолением, по крайней мере, пяти основных серьезных противоречий в поступательном развитии российского социума.

Во-первых, противоречие между долгосрочными (стратегическими) интересами государства и бизнеса в производстве капитала, денег, вещной среды, привлекательной инфраструктуры потребительской деятельности населения, с одной стороны, и производством самого человека, с другой.

Во-вторых, экстенсивно усиливающееся противоречие между ухудшением состояния экологии человека (природной и социальной) и его неадекватными усилиями по здоровьесбережению (в частности, воспроизводству и самосбережению репродуктивного здоровья), цивилизованному регулированию антропогенной деятельности, сохранения и рекреации антропогенных экосистем.

В-третьих, противоречия приемлемого, продуктивного симбиоза традиционности и инновационности в социально-биологических технологиях выращивания и социализации дееспособных молодых поколений. Речь идет о правомочности тотальной замены *«старых»*, «устаревших», «отживших» (традиционных) принципов, подходов, средств, методов онтогенетического развития, обучения и профессионализации потомства на *«новые»* «новоявленные», «современные», «научно обоснованные» инструменты влияния, воспитания и социализации детей, как в семейной, так и общественной сфере жизнедеятельности россиян.

В-четвертых, противоречия в сфере внутрисемейного взаимосоотрудничества поколений «дедов, сыновей и внуков» в самом институте родительской семьи и в ближайшем ареале ее взаимодействия с социумом.

И, наконец, *в-пятых*, противоречия, связанные с нарастающим в мировых и российских СМИ противоборством семейной и антисемейной идеологий, последняя из которых претендует на декретирование «прав гражданства», так называемый *трансгэндерный переход*. Последний, в свою очередь, актуализирует в общественном и особенно в обыденном сознании (а нередко и поведении) феномены гетеросексуальности, и каминг-аута, гомосексуальности, трансвестизма... и других «новоприобретений» в традиционной сфере межполовых отношений мужчин и женщин в общественной зоне и внутрисемейных отношениях. О масштабах этого явления и его «крепнущих позициях» можно судить хотя бы по принятой «Декларации ООН о сексуальной ориентации и гендерной принадлежности», снятию табу с обсуждения проблем ЛГБТ в ООН и др. [25].

Мы убеждены, что в настоящее время трудно объяснить неоправданное игнорирование государством мощного социально-биологического потенциала родительской семьи в процессе не только биологического воспроизводства потомства. Речь идет о его последующей онтогенетической социализации, в первую очередь, в части трудового воспитания, а также подготовки и адаптации в сфере профессионального (общественного) труда. Эффективным инструментом участия родителей в профессиональном и гражданском взрослении своих детей могли бы стать организация и развитие «*института общественного волонтерства родительских семей*», предполагающего использование *не только их материально-финансового* потенциала в процессе общеобразовательной и профессионально-производственной подготовки своих детей. Важно повысить КПД использования организационно-педагогических, профессионально-трудовых и нравственно-эмоциональных возможностей семейной ячейки [24]. При этом безальтернативным стержнем влияния семейного потенциала выступает неподдельный, кровнородственный интерес отцов и матерей в воспроизводстве достойного рода, наследования, обеспечения достойной и счастливой жизни своему потомству. Естественно, подобное волонтерство целесообразно сопровождать соответствующими общественно ощутимой благожелательностью и нравственно приемлемыми предпочтениями как в сфере материально-экономических, так и духовно-нравственных партнерских отношений основных социальных институтов: образования, здоровья, управления, бизнеса, СМИ, с одной стороны, и родительской семьи – с другой.

Практически на нет сведено развитие сферы институционализации домашнего ухода, обучения и воспитания детей их непосредственными родителями и, особенно, представителями старших поколений родственников (прежде все-

го, родными бабушками, дедушками). Подобная «внутрисемейная эмансипация» стареющего поколения от традиционного процесса воспроизводства социума наносит постоянный ущерб не только процессу социализации молодежи, преемственности основ этнической идентификации, накопленного профессионально-производственного багажа, гражданской зрелости и патриотизма. Подобная «инновационная» социально-геронтологическая политика отражается не только на судьбе молодых российских поколений. Она порождает и массу *дополнительных* острых социально-экономических проблем в сфере организации послепенсионного образа жизни большинства россиян [26, 27].

Автор убежден, что в настоящее время в России (естественно, и на Урале) имеются резервы для повышения КПД использования организационно-педагогических, профессионально-трудовых и нравственно-эмоциональных возможностей семейной ячейки в традиционной консолидации трех «перманентно воспроизводящихся» *поколений дедов – сыновей – внуков*. Реабилитация «дедушек» и особенно «бабушек» в их традиционной роли в процессе «ухаживания» за своими родными внуками (при соответствующем материально-экономическом и общественном поощрении) существенно ослабит остроту социально-экономических проблем не только в сфере организации образа жизни стареющих поколений россиян. Заодно это будет способствовать качественному развитию инфраструктуры социальных институтов дошкольного «общественного взращивания» и воспитания детей.

5. Процесс организации общественного расширенного производства и сбережения человека в РФ остро нуждается в собственном человекоцентристском «министерстве семьи, материнства и детства» (МСМД). В структуре социологического анализа важное место отводится изучению «институциональных каркасов» социально-экономического поведения, которые цементируют дискретно-стохастические «поведенческие множества», организуя и интегрируя в них определенный социальный порядок, как во времени, так и в пространстве [28, с. 7].

В переживаемый нами исторический период традиционно сложившийся механизм воспроизводства общественной жизни обеспечивается четырьмя основными частными производствами с условными названиями: а) «производство вещей», б) «производство денег», в) «производство идей», г) «производство самого человека». При этом каждое из этих «*производств*» имеет, в свою очередь, соответствующую реализацию основных целей и задач производства, материально-экономическую базу, производительные силы, производственные отношения.

Кратко обратимся, прежде всего, к анализу «производства самого человека». В процессе исторического развития социальный институт семьи вбирал в себя, становился непосредственно причастным к выполнению целого ряда жизненно важных социальных функций. К началу нового тысячелетия в каче-

стве основных взаимосвязанных функций семьи довольно четко обозначились следующие:

- репродуктивная, человековоспроизводящая,
- производственно-экономическая,
- хозяйственно-бытовая, потребительская,
- здоровьесберегающая, валеологическая,
- первичного перманентного социального контроля,
- сохранения социальной памяти и воспроизводства этногендерной идентичности,
- воспитательно-социализационная,
- социально-статусная (имиджиевая),
- сексуально-гедонистическая,
- досугово-рекреативная,
- психоэмоциональная,
- защитно-охранная,
- информационно-ориентационная.

Комплекс функций характеризуется двумя основными фило-, онтогенетическими «скрепами»: а) человекоцентричностью и б) перманентной преемственностью.

Переломный исторический период XX–XXI вв. характерен прежде всего тем, что спонтанно-традиционный характер воспроизводства человеческого материала из семейно-частнособственнического трансформируется в общественно-регулируемый процесс. Важно и другое: основным субъектом процесса производства самого ЧЕЛОВЕКА, воспроизводства человеческого потенциала в целом является не просто традиционно называемый социальный институт семьи (вне зависимости от его репродуктивной деятельности), а прежде всего СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ, традиционно обладающий физиологическими, материальными и духовными ресурсами, врожденными и благоприобретенными (в процессе социализации) потребностями для производства непосредственной жизни и взращивания человеческой личности с целью продолжения себе подобного потомства, семейного рода и социума в целом. Попытаемся схематично представить инфраструктуру социальных институтов, участвующих в воспроизводстве человеческого потенциала (рисунок).

Внимательно анализируя предложенную схему, можно сделать два основных вывода. *Во-первых*, социальный институт семьи в ансамбле «вспомогательных», «сопровождающих» институтов является центральным, «первотворяющим» в общем процессе производства и воспроизводства человеческого (трудового) потенциала. И, *во-вторых*, управление и координация деятельностью каждого института – участника общего воспроизводственного процесса – сопровождается своим государственным органом управления – «персональ-

ными министерствами». Институционально обеспечен и соответствующий государственный контроль за деятельностью этих министерств – это соответствующие комитеты Государственной думы. Есть, правда, в ГД и контролирующий орган, нацеленный на проверку состояния дел в сфере семейной политики, во всеохватывающем общественном социальном институте семьи. Но, как правило, этот контроль крайне фрагментарен, забюрократчен, заполитизирован и практически не мотивирован.

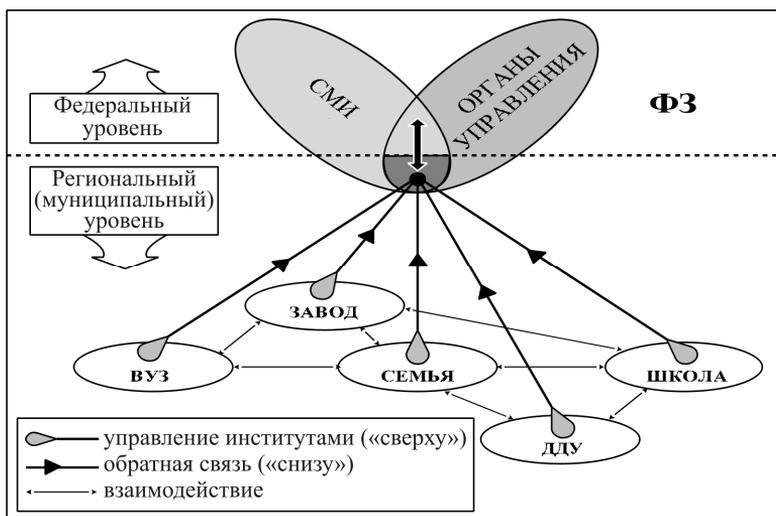

Рис. Схема институциональной матрицы процесса онтологической социализации молодежи в РФ: *СМИ* – средства массовой информации, *ФЗ* – федеральное законодательство, *Завод* – предприятия (организации) сферы общественного производства, *Школа* – институты сферы общего образования и воспитания, *Вуз* – учебные институты сферы профессионального образования, *ДДУ* – институты сферы дошкольного содержания и воспитания детей, *Семья* – социальный институт родительской семьи

Повторюсь: дабы избежать создавшейся ситуации «У семи нянек дитя без глаза», важно смириться с тем, что в сложившихся условиях процесс активизации репродуктивного поведения российского социума (*естественно, в первую очередь, родительских семей*), «перелом» его с *депопуляционного* на *расширенное* воспроизводство и сбережение человеческого потенциала (населения в целом) остро нуждается в собственном человекоцентристском российском «МИНИСТЕРСТВЕ СЕМЬИ, МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА» (МСМД).

И, в заключение: прорисовка и обоснование основных целей, задач, принципов, положений, ресурсов и другой организационно-методической атрибутики предлагаемой крупномасштабной инновации – особая «громоздкая задача». Здесь мы ограничимся лишь некоторыми замечаниями.

Прежде всего, нам представляется, что с позиций эффективности репродуктивного процесса (количества и качества воспроизводимого человеческого потенциала) в сложившихся условиях в семейно-демографической политике следует критически пересмотреть установившийся в РФ *среднестатистический мониторинговый подход* к реализации семейной (демографической) политики. Более эффективным нам представляется долгосрочный дифференцирующий принцип, основанный на *приоритетах, связанных с планируемым и достигнутым уровнем детности семейной пары*. Исходя из этого в общем массиве семей стратегические приоритеты государственного и общественного внимания могут быть (и должны) обращены и дифференцированы по трем основным детовоспроизводящим группам родительских семей: родительская семья с одним ребенком – условно *РС-1*; с двумя – *РС-2*; с тремя и более – *РС-3*. *Третья группа семей должна имманентно стать основной целью семейной политики, основным детовоспроизводящим субъектом российского социума.*

Автор считает своевременным инициировать в сфере сообщества человеко-творческих (обществоведческих) наук (в первую очередь, это социология, экономика, педагогика, медицина, юриспруденция) *разворачивание дискуссии о научно-практической, социально-экономической и нравственно-этической абсорбции начал и принципов рыночной экономики в сферу «производства человека», воспроизводства социума в целом.* Ориентировочной целью такой дискуссии могут служить поиск и нахождение общественно управляемых форм и способов товарно-денежных отношений в сфере производства непосредственной жизни, в партнерских взаимозаинтересованных и доверительных отношениях государства, бизнеса, СМИ и социального института родительской семьи.

Очередное тревожное подтверждение актуальности рассматриваемой нами проблемы мы находим в очередном Послании Президента РФ Федеральному собранию 21 апреля 2021 г. Читаем, в частности: *«Сбережение народа России – наш высший национальный приоритет... государство должно предоставить прямую поддержку семьям с детьми... очень важно, чтобы будущая мама чувствовала поддержку со стороны государства, общества, чтобы она сохранила ребенка и была уверена, что ей помогут вырастить малыша, поставить его на ноги... положения о демографическом развитии, защите семьи и детства обозначены в обновленной Конституции России, и они должны получить свое практическое воплощение в работе всех уровней власти...»* [12]. Вряд ли кто будет против таких благотворных посылов первого лица государства.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00100 «Гармонизация триады «население – власть – бизнес» как основа поступательного социально-экономического развития регионов России».

Список литературы

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 21. – С. 28–178.
2. Using maternity capital: citizen distrust of Russian family policy / E. Borozdina, A. Temkina, E. Zdravomyslova, A. Rotkirch // European Journal of Women's Studies. SagePublications. – 2016. – Vol. 23, no. 1. – P. 60–75.
3. Кузьмин А.И. Теоретико-методологические принципы исследования самосохранительной функции семьи: дис. ... д-ра социол. наук. – Екатеринбург, 1997. – 373 с.
4. Архангельский В.Н., Джанаева Н.Г., Елизаров В.В. Естественное движение населения // Народнонаселение современной России: риски и возможности / под ред. В.В. Локосова. – М.: Экономическое образование, 2013. – С. 7–17.
5. Благополучие личности в условиях кризиса социально-экономической системы региона / В.П. Чичканов, А.А. Куклин, С.А. Охотников, И.В. Коробков // Уровень жизни населения регионов России. – 2020. – Т. 16, № 3. – С. 49–58.
6. Шестериков А. Сокращение населения России превысило годовой прогноз [Электронный ресурс]. – URL: https://smolnarod.ru/v_rossii/sokrashhenie-naseleniya-rossii-prevysilo-godovoj-prognoz/ (дата обращения: 17.2.2021).
7. Кузьмин А.И., Костина С.Н., Банных Г.А. Уральские стандарты уровня гипотетического минимума естественной рождаемости // Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции: сб. ст. – М.: Экон-Информ, 2019. – Т. 5, № 4. – С. 262–266.
8. Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономического анализа (на примере Урала) / Ин-т экон. УрО РАН; УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург, 2014. – 575 с.
9. О Концепции национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10.01.2000 г. № 24 [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/14927/page/3> (дата обращения: 15.03.2021).
10. Organizing workers in the informal economy: trade union strategies to extend membership, services and organizing activities to workers in the informal economy and facilitate transition from the informal to the formal economy / International Labour Office, Bureau for Workers' Activities (ACTRAV). – Geneva: ILO, 2016. – 55 p.
11. Елизаров В.В., Джанаева Н.Г. Материнский (семейный) капитал как программа поддержки семей с детьми: итоги реализации и перспективы развития (Часть вторая) // Уровень жизни населения регионов России. – 2020. – Т. 16, № 4. – С. 21–35.

12. Послание Владимира Путина Федеральному Собранию. 21 апр. 2021 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/politika/11206929> (дата обращения: 21.04.2021).
13. Павлов Б.С. Социологические исследования в Институте экономики УрО РАН (полувековой экскурс по итогам 1968–2018 гг.) / Рос. о-во социологов; Ин-т экономики УрО РАН; Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург, 2018. – 825 с.
14. Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). – М.: NotaBene, 1998. – 357 с.
15. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс – Традиция, 2000. – 384 с.
16. Харчев А.Г., Мацковский М.С. Социология семьи и ее проблемы. – М.: ЦПС, 2003. – 342 с.
17. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь: пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2004. – 120 с.
18. Glynn I.A., Kleist J.O. Memory Studies and Migration Studies at the Crossroads: an Anglo-Saxon Perspective // *Logiques mémorielles et temporalités migratoires* / M. Baussant, I. Dos Santos, E. Ribert, I. Rivoal (eds). – Paris: Universitaires de Paris Ouest, 2015. – P. 37–58.
19. Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. – N.Y.: Columbia University Press, 2012. – 320 p.
20. Cegarra-Leiva D., Sánchez-Vidal M., Cegarra-Navarro J. Understanding the link between work life balance practices and organisational outcomes in SMEs: The mediating effect of a supportive culture. *Personnel Review* // *Personnel Review*. – 2012. – Vol. 41, no. 3. – P. 359–379.
21. Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: сб. ст. VII Урал. демогр. форума / под ред. А.И. Татаркина, А.И. Кузьмина; Ин-т экономики УрО РАН. – Екатеринбург, 2016. – Т. I. – 426 с.
22. Pavlov B.S., Ikingrin E.N., Pronina E.I. Premarital matrimonial behavior among students as a subject of sociological analysis // *Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities. View from Russia. Collected papers XIX ISA World Congress of Sociology* / ed. V. Mansurov. – M., 2018. – P. 204–217.
23. Тихомирова Т.М., Тихомиров Н.П. Оценка результативности программы материнского капитала в регионах России // *Федерализм*. – 2020. – № 1. – С. 5–26.
24. Тараданов А.А. Семейное благополучие в современной России: генезис и практика: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – Екатеринбург, 2004. – 38 с.
25. Декларация ООН о сексуальной ориентации и гендерной принадлежности [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.unfe.org/wp-content/uploads/2018/10/International-Human-Rights-Law-RU.pdf> [https](https://www.unfe.org/wp-content/uploads/2018/10/International-Human-Rights-Law-RU.pdf) (дата обращения: 20.4.2021).
26. Тараданов А.А. Семейное благополучие: от теории к практике. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2002. – 153 с.

27. Григорьева И.А., Биккулов А.С. Старость, здоровье, активное долголетие и смысловой контекст их упоминания в социальных сетях // Успехи геронтологии. – 2015. – Т. 28 (2). – С. 354–359.

28. Верховин В.И. Экономическое поведение как предмет социологического анализа: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – М., 1999. – 325 с.

References

1. Engels F. Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats (Russ. ed.: Engel's F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva. Marks K., Engel's F. Sochineniia. 2nd ed., vol. 21, pp. 28–178).

2. Borozdina E., Temkina A., Zdravomyslova E., Rotkirch A. Using maternity capital: Citizen distrust of Russian family policy. *European Journal of Women's Studies*. SagePublications, 2016, vol. 23, no. 1, pp. 60–75.

3. Kuz'min A.I. Teoretiko-metodologicheskie printsipy issledovaniia samosokhranitel'noi funktsii sem'i [Theoretical and methodological principles to study self-preservation function of a family]. Doctor's degree dissertation. Yekaterinburg, 1997, 373 p.

4. Arkhangel'skii V.N., Dzhanaeva N.G., Elizarov V.V. Estestvennoe dvizhenie naseleniia [Natural movement of the population]. *Narodonaselenie sovremennoi Rossii: riski i vozmozhnosti*. Ed. V.V. Lokosov. Moscow, Ekonomicheskoe obrazovanie, 2013, pp. 7–17.

5. Chichkanov V.P., Kuklin A.A., Okhotnikov S.A., Korobkov I.V. Blagosostoianie lichnosti v usloviakh krizisa sotsial'no-ekonomicheskoi sistemy regiona [Welfare of the Individual in the crisis of the regional socioeconomic system]. *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii*, 2020, vol. 16, no. 3, pp. 49–58.

6. Shesterikov A. Sokrashchenie naseleniia Rossii prevysilo godovoi prognoz [Population decline in Russia has exceeded the annual forecast]. Available at: https://smolnarod.ru/v_rossii/sokrashhenie-naseleniya-rossii-prevysilo-godovoj-prognoz (accessed 17.2.2021).

7. Kuz'min A.I., Kostina S.N., Bannykh G.A. Ural'skie standarty urovnia gipoteticheskogo minimuma estestvennoi rozhdaemosti [Ural standards of level of the hypothetical minimum of natural birth rate]. *Natsional'nye demograficheskie priority: novye podkhody, tendentsii*, Moscow, Ekon-Inform, 2019, vol. 5, no. 4, pp. 262–266.

8. Pavlov B.S. Vosproizvodstvo chelovecheskogo potentsiala v regione: teoreticheskie i metodicheskie aspekty sotsial'no-ekonomicheskogo analiza (na primere Urala) [Reproduction of human potential in the region: Theoretical and methodological aspects of socio-economic analysis (on the example of the Urals)]. Institute of Economics, Ural Branch of the RAS, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, 2014, 575 p.

---

9. O Kontseptsii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [On the national security in the Russian Federation]. Decree of the RF President dated 10.01.2000, No. 24, available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/14927/page/3> (accessed 15.03.21).

10. Organizing workers in the informal economy: Trade union strategies to extend membership, services and organizing activities to workers in the informal economy and facilitate transition from the informal to the formal economy. International Labour Office, ACTRAV, Geneva, ILO, 2016, 55 p.

11. Elizarov V.V., Dzhanaeva N.G. Materinskii (semeinyi) kapital kak programma podderzhki semei s det'mi: itogi realizatsii i perspektivy razvitiia. Chast' vtoraiia [Maternity (family) capital as a support program for families with children: Implementation results and development prospects. Part two]. *Uroven' zhizni naseleeniia regionov Rossii*, 2020, vol. 16, no. 4, pp. 21–35.

12. Poslanie Vladimira Putina Federal'nomu Sobraniuu. 21 apr. 2021 g. [Vladimir Putin's Address to the Federal Assembly dated 21.04.2021]. Available at: <https://tass.ru/politika/11206929> (accessed 21.04.21).

13. Pavlov B.S. Sotsiologicheskie issledovaniia v Institute ekonomiki UrO RAN (poluvekovoii ekskurs po itogam 1968–2018 gg.) [Sociological research at the Institute of Economics, Ural Branch of RAS (a half-century perspective on 1968–2018)]. Yekaterinburg, Institute of Economics, Ural Branch of the RAS, Ural Federal University, 2018, 825 p.

14. Antonov A.I. Mikrosotsiologiiia sem'i (metodologiiia issledovaniia struktur i protsessov) [Microsociology of family (methodology to study structures and processes)]. Moscow, NotaBene, 1998, 357 p.

15. Beck U. Risikogesellschaft: Auf dem Weg in eine andere Moderne (Russ. ed.: Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu. Moscow, Progress–Traditsiia, 2000, 384 p.).

16. Kharchev A.G., Matskovskii M.S. Sotsiologiiia sem'i i ee problemy [Sociology of the family and its problems]. Moscow, CPS, 2003, 342 p.

17. Giddens A. Runaway world: How globalization is reshaping our lives (Russ. ed.: Giddens E. Uskol'zaiushchii mir: kak globalizatsiia meniaet nashu zhizn'. Moscow, Ves' Mir, 2004, 120 p.).

18. Glynn I.A., Kleist J.O. Memory studies and migration studies at the crossroads: An anglo-saxon perspective. *Logiques mémorielles et temporalités migratoires*. Eds. M. Baussant, I. Dos Santos, E. Ribert, I. Rivoal. Paris, Universitaires de Paris Ouest, 2015, pp. 37–58.

19. Hirsch M. The generation of postmemory: Writing and visual culture after the Holocaust. N.Y., Columbia University Press, 2012, 320 p.

20. Cegarra-Leiva D., Sánchez-Vidal M., Cegarra-Navarro J. Understanding the link between work life balance practices and organisational outcomes in SMEs: The mediating effect of a supportive culture. *Personnel Review*, 2012, vol. 41, no. 3, pp. 359–379.

21. Dinamika i inertsionnost' vosproizvodstva naseleniia i zameshcheniia pokolenii v Rossii i SNG [Dynamics and persistence of population reproduction and replacement of generations in Russia and the CIS]. Proc. 7th Ural demographic forum. Eds. A.I. Tatarin, A.I. Kuz'min. Yekaterinburg, Institute of Economics, Ural Branch of the RAS, 2016, vol. 1, 426 p.

22. Pavlov B.S., Ikingrin E.N., Pronina E.I. Premarital matrimonial behavior among students as a subject of sociological analysis. *Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities. View from Russia*. Collected papers XIX ISA World Congress of Sociology. Ed. V. Mansurov. Moscow, 2018, pp. 204–217.

23. Tikhomirova T.M., Tikhomirov N.P. Otsenka rezul'tativnosti programmy materinskogo kapitala v regionakh Rossii [Evaluation of the impact of maternity capital in Russian regions]. *Federalizm*, 2020, no. 1, pp. 5–26.

24. Taradanov A.A. Semeinoe blagopoluchie v sovremennoi Rossii: genezis i praktika [Family well-being in modern Russia: Genesis and practice]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Yekaterinburg, 2004, 38 p.

25. Deklaratsiia OON o seksual'noi orientatsii i gendernoi prinadlezhnosti [Protection against violence and discrimination based on sexual orientation, and gender identity]. Available at: <https://www.unfe.org/wp-content/uploads/2018/10/International-Human-Rights-Law-RU.pdf> https (accessed 20.04.2021).

26. Taradanov A.A. Semeinoe blagopoluchie: ot teorii k praktike [Family well-being: From theory to practice]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, 2002, 153 p.

27. Grigor'eva I.A., Bikkulov A.S. Starost', zdorov'e, aktivnoe dolgoletie i smyslovoi kontekst ikh upominaniia v sotsial'nykh setiakh [Aging, health and active longevity: Semantic context of their mentioning in social networks]. *Uspekhi gerontologii*, 2015, vol. 28 (2), pp. 354–359.

28. Verkhovin V.I. Ekonomicheskoe povedenie kak predmet sotsiologicheskogo analiza [Economic behavior as a subject of sociological analysis]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Moscow, 1999, 325 p.

Оригинальность 77 %

Получено 25.04.2021   Принято 17.05.2021   Опубликовано 30.09.2021

B.S. Pavlov

**SAVING THE SOCIAL INSTITUTE OF THE PARENTAL FAMILY
AS A KEY TO DEMOGRAPHIC WELL-BEING
REPRODUCTION IN REGIONAL COMMUNITIES
(THEORETICAL BACKGROUND AND PRACTICAL ANALYSIS
(1971–2021))**

The present article encompasses the findings of the author's longstanding research into the problem under consideration. The purpose of the article is to try to identify possible benchmarks for the application of efforts of the state, business and the public, aimed at enhancing the civilized and motivated reproductive activity of parental families. The object of this study is the social institution of a complete parental family in the Russian Federation at the stage of its active reproductive activity. The leading research focus is reproductive and socio-cultural activities of "fathers and children" in a particular region. The study is based on the results of specific sociological surveys and formalized interviews at the Institute of Economics (the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences), carried out in a number of regions of the Ural Federal District and other regions of the Russian Federation in 1971–2020 under the guidance and direct participation of the author.

Drawing on the results of representative surveys, the author shows that the demographic (in particular, reproductive) life of a modern parental family in the Urals (as well as in the Russian Federation as a whole), for the most part, is associated with a plethora of socio-economic and moral-ethical difficulties, obstacles, problems, risks, fears in the process of the family's realizing its basic socio-demographic functions.

The author is convinced that at present there is a clear discrepancy between the "direct" material, financial, labor and time expenditures of parents and the actual amount of compensation for these costs provided by the state, a no less interested partner. The population's sensitivity to such an "economic gap" has sharply increased since the entry of the Russian society into "hard" market relations. With a view of a more efficient reproductive behavior of the population, the author proposes a number of innovations in the field of regional and federal demographic policy.

Keywords: parental family, demographic "hole", reproductive behavior, labor and family socialization, reproduction of society, trust, business, power, development concept, Ural region.

Boris S. Pavlov – Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher, Institute of Economics of the RAS Ural Branch, Yekaterinburg, Russia, e-mail: pavlov_boris@ail.ru.

Received 25.04.2021

Accepted 17.05.2021

Published 30.09.2021